

Стася
Бестужева

Искупить вину
РАЗВОД

Стася Бестужева

Развод. Искупить вину

«Литнет»

2026

Бестужева С.

Развод. Искупить вину / С. Бестужева — «Литнет», 2026

Смотрю на экран телефона и не верю своим глазам. Руки дрожат так сильно, что я едва удерживаю его в ладонях. Сообщение от Вики высвечивается на дисплее, а под ним... фотография, которая разрывает мой мир на миллион осколков. "Регинка, прости, что пишу такое... Но ты должна знать. Я в Кемере, в отеле Rixos. И твой Максим тоже здесь. С какой-то блондинкой..." Увеличиваю фото дрожащими пальцами. Бирюзовый бассейн, белоснежные шезлонги, пальмы... И мой муж. Мой Максим. В той самой гавайской рубашке, которую я покупала ему на прошлое день рождения. Он обнимает за талию молодую девушку в крошечном красном бикини. Ей лет двадцать пять, не больше. Длинные платиновые волосы струятся по загорелым плечам. Она смеется, запрокинув голову, а он смотрит на нее так... Боже, он смотрит на нее так, как раньше смотрел на меня.

© Бестужева С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1

Смотрю на экран телефона и не верю своим глазам. Руки дрожат так сильно, что я едва удерживаю его в ладонях. Сообщение от Вики высвечивается на дисплее, а под ним... фотография, которая разрывает мой мир на миллион осколков.

“Регинка, прости, что пишу такое... Но ты должна знать. Я в Кемере, в отеле Rixos. И твой Максим тоже здесь. С какой-то блондинкой...”

Нет. Этого не может быть. Максим в Сочи. Он уехал четыре дня назад открывать новый филиал. Он звонил мне вчера вечером, рассказывал, как устал от переговоров, как скучает по мне и детям. Его голос был таким родным, таким теплым...

Увеличиваю фото дрожащими пальцами. Бирюзовый бассейн, белоснежные шезлонги, пальмы... И мой муж. Мой Максим. В той самой гавайской рубашке, которую я покупала ему на прошлое день рождения. Он обнимает за талию молодую девушку в крошечном красном бикини. Ей лет двадцать пять, не больше. Длинные платиновые волосы струятся по загорелым плечам. Она смеется, запрокинув голову, а он смотрит на нее так... Боже, он смотрит на нее так, как раньше смотрел на меня.

Телефон выпадает из рук, глухо ударяется о мраморный пол кухни. Я опускаюсь следом, прямо на холодную плитку. В горле стоит ком, но слезы не идут. Только какая-то звенящая пустота внутри, будто кто-то выдернул из меня все внутренности и оставил пустую оболочку.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет я отдала этому человеку. Родила ему двоих детей. Отказалась от карьеры юриста, чтобы быть идеальной женой и матерью. Создавала уют в нашем огромном доме, встречала его деловых партнеров, организовывала приемы, улыбалась на корпоративах его агентства, выслушивала бесконечные истории о работе...

А он... Он даже не удосужился придумать правдоподобную легенду. Сочи! Какой, к черту, Сочи, когда ты загораешь в Турции с молодой телкой!

Поднимаю телефон. Экран треснул в углу... видимо, при падении. Открываю сообщение снова. Вика прислала еще несколько фото. На одном они сидят в ресторане, и эта... эта девица кормит моего мужа с вилки. На другом... идут по пляжу, держась за руки. На третьем...

Меня начинает тошнить. Бегу в туалет, едва успеваю. Организм будто пытается избавиться от этой правды, выbleвать ее, вычистить из себя. Но правда уже проникла в каждую клеточку, отравила кровь, засела занозой в сердце.

Умываюсь холодной водой, смотрю на свое отражение. Тридцать пять лет. Морщинки в уголках глаз, которые Максим называл «лучиками счастья». Волосы собраны в привычный пучок... некогда укладывать, нужно было отвезти Марка в садик, потом забежать в магазин, приготовить обед... Никакого макияжа... а зачем? Муж ведь в командировке, гостей не ожидается. Домашний халат, тапочки с помпонами, которые подарила Алиса на 8 марта...

Когда я превратилась в эту женщину? Где та Регина, которая когда-то блистала в зале суда, выигрывала сложнейшие дела, носила шпильки и строгие костюмы? Куда делась девушка, в которую Максим влюбился без памяти?

Телефон вибрирует. Новое сообщение от Вики:

«Подруга, ты как? Прости, что вот так... Но я не могла молчать. Они тут уже третий день. Живут в одном номере. Я случайно их увидела вчера у бассейна, сначала не поверила своим глазам. Но это точно он.»

Третий день. Он уехал четыре дня назад. Значит, сначала заехал за ней? Или они встретились уже там? Сколько это длится? Неделю? Месяц? Год?

Вспоминаю последние месяцы. Максим действительно стал чаще задерживаться на работе. Больше командировок. Новые парфюмы, которых я раньше не замечала. Он стал ходить в спортзал... сказал, что нужно следить за здоровьем в его возрасте. Купил новую одежду,

сменил прическу. А я радовалась... надо же, кризис среднего возраста проходит так безболезненно! Дура. Наивная дура.

Слышу, как внизу хлопает входная дверь. Алиса вернулась из школы.

– Мам! Я дома! – кричит она с порога. – Что на обед? Я умираю с голоду!

Быстро вытираю лицо, пытаюсь взять себя в руки. Дети не должны ничего знать. По крайней мере, пока я сама не разберусь, что делать дальше.

– Иду, солнышко! – откликаюсь, стараясь, чтобы голос звучал нормально. – Сейчас разогрею котлеты!

Спускаюсь вниз. Алиса уже сбросила рюкзак в прихожей и роется в холодильнике.

– Мам, ну что за котлеты? Опять? – морщится она. – Может, закажем пиццу?

– Котлеты полезнее, – машинально отвечаю я, доставая тарелку из микроволновки.

– Ты вообще нормально? – Алиса внимательно смотрит на меня. – Выглядишь как-то... странно.

– Все хорошо, просто голова немного болит.

– А когда папа вернется? Он обещал свозить меня в ТЦ за новыми кроссовками.

Папа. Ее обожаемый папа, который исполняет все ее капризы, балует подарками, защищает от моих «придинок». Папа, который сейчас обнимает чужую женщину под турецким солнцем.

– В воскресенье, – выдавливаю я. – Как и планировал.

– Круто! А можно я к Кате на ночевку в субботу? У нее день рождения, родители разрешили устроить пижамную вечеринку.

– Посмотрим.

– Ну мааам! Все идут! Даже Ленка, а ее мать вообще-то строгая!

Я киваю, не в силах спорить. Алиса довольно хватает тарелку с котлетами и уносится в свою комнату. Через минуту оттуда доносится громкая музыка.

Сажусь за кухонный стол, обхватываю голову руками. Что мне делать? Позвонить ему? Устроить скандал? Но что это изменит? Он там, с ней. А я здесь, в этом огромном доме, который вдруг кажется мне тюрьмой.

Открываю наш чат в WhatsApp. Последнее сообщение от него вчера в 22:47: «Спокойной ночи, любимая. Целую тебя и детей. Очень скучаю». Две галочки: прочитано. Он был в сети десять минут назад.

Начинаю печатать: «Я все знаю». Стираю. «Как ты мог?» Снова стираю. «Хорошо отдыхаешь в Сочи?» Стираю.

В конце концов просто пишу: «Привет. Как дела?»

Ответ приходит через пару минут: «Привет, дорогая. Все отлично, только очень загружен. Сейчас еду на встречу с подрядчиками. Вечером позвоню. Люблю».

Люблю. Это слово бьет под дых сильнее, чем фотография. Как легко он врет. Как естественно. Профессионально. Сколько раз он говорил мне «люблю», имея в виду совсем другое?

Телефон снова вибрирует. Вика прислала видео. Я знаю, что не стоит смотреть, что это причинит еще больше боли, но не могу остановиться. Нажимаю воспроизвести.

Вечер, ресторан на берегу моря. Живая музыка. Максим танцует с той девушкой медленный танец. Она прижимается к нему, он что-то шепчет ей на ухо, она смеется. Потом он целует ее. Не мимолетно, не случайно. Целует так, будто они одни во всем мире.

Телефон снова падает на пол. На этот раз я не поднимаю его. Просто сижу и смотрю в одну точку. В голове пустота. Ни мыслей, ни чувств. Только где-то глубоко внутри нарастает глухая, всепоглощающая боль.

Не знаю, сколько так сижу. Может, минуту. Может, час. Меня выдергивает из оцепенения звонок в дверь. Механически встаю, иду открывать.

На пороге стоит курьер с огромным букетом алых роз.

– Регина Заболоцкая? Это вам.

Беру букет, расписываюсь в планшете. В цветах карточка. Узнаю почерк Максима: «Любимой жене от скучающего мужа. Не могу дождаться возвращения».

Начинаю смеяться. Тихо, потом громче. Истерический хохот сотрясает все тело. Курьер испуганно пятится, бормочет что-то про «всего хорошего» и поспешно уходит.

Захлопываю дверь, все еще смеясь. Иду на кухню, достаю из ящика большие ножницы. Методично срезаю бутоны роз, один за другим. Красные лепестки падают на белый мраморный пол, похожие на капли крови.

– Мам? – Алиса стоит в дверном проеме, ошарашенно глядя на меня. – Что ты делаешь?

Смотрю на нее, на розы, на ножницы в своих руках. Смех обрывается так же внезапно, как начался.

– Ничего, дочка. Просто... просто решила сделать икебану. Японское искусство, знаешь?

– Мам, ты точно в порядке? Может, тебе прилечь?

– Да, наверное, ты права. Я прилягу.

Бросаю изуродованные цветы в мусорное ведро, поднимаюсь в спальню. Нашу спальню. Где мы столько лет спали в одной постели. Где занимались любовью. Где он клялся, что я единственная женщина в его жизни.

Ложусь на его половину кровати. Подушка пахнет его одеколоном. Закрываю глаза. Нужно думать. Планировать. Решать. Но мозг отказывается работать. Есть только боль, разъедающая изнутри, и один вопрос, бьющийся в висках: что теперь?

Завтра Марка нужно отвести к логопеду. В четверг – родительское собрание у Алисы. В субботу день рождения свекрови, нужно купить подарок. В воскресенье вернется Максим...

Максим вернется. Войдет в дом, как ни в чем не бывало. Обнимет меня, поцелует детей. Расскажет о «тяжелой командировке». Подарит какой-нибудь сувенир из duty free... якобы из Сочи. И жизнь продолжится. Если я позволю.

Но смогу ли я? Смогу ли смотреть в его глаза, зная правду? Спать с ним в одной постели? Улыбаться на семейных фотографиях? Играть роль счастливой жены?

Телефон вибрирует где-то внизу... наверное, все еще валяется на кухонном полу. Не иду за ним. Знаю, что это либо очередное «любящее» сообщение от мужа, либо новые подробности от Вики. Ни то, ни другое я сейчас не в силах вынести.

За окном начинает темнеть. Скоро нужно будет забирать Марка из садика. Готовить ужин. Проверять уроки у Алисы. Жизнь не останавливается из-за того, что твой мир рухнул. Она требует продолжения... тупого, механического, бессмысленного.

Встаю, иду в ванную. Снова смотрю на свое отражение. Размазанная тушь, красные глаза, бледное лицо. Это я. Регина Заболоцкая. Тридцать пять лет. Мать двоих детей. Обманутая жена.

Но кем я буду завтра?

Глава 2

Время течет странно, когда твоя жизнь разваливается на части. Секунды растягиваются в часы, минуты... в дни. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью, что это был просто кошмарный сон, но реальность бьет под дых снова и снова.

Четверг. Пятница. Каждый день... маска на лице и автопилот в действиях. Отвести Марка в садик. Приготовить завтрак. Улыбаться, когда хочется кричать. Отвечать на звонки Максима, слушать его лживые истории о переговорах, о трудностях с подрядчиками, о том, как он скучает. С каждым его “люблю тебя” во мне что-то умирает.

По ночам я лежу без сна, перебирая в голове варианты. Развод? Дети будут раздавлены. Простить? Смогу ли я жить с этим знанием? Притвориться, что ничего не было? Как долго я выдержу эту игру?

Вика прислала еще фотографии. Я попросила ее перестать, но она говорит, что я должна знать правду в полном объеме. На последнем фото эта блондинка сидит у Максима на коленях в баре отеля. На ее безымянном пальце кольцо. Не обручальное, но дорогое... даже через экран телефона видно бриллиант. Подарок моего мужа?

В пятницу вечером я не выдерживаю и звоню своей подруге Лене.

– Регина? Что случилось? – ее голос встревоженный. Я редко звоню так поздно.

– Максим изменяет мне, – слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить.

Тишина в трубке. Потом тихое:

– Ты уверена?

Рассказываю ей всё. Про фотографии, про его ложь, про то, как он сейчас нежится на турецком побережье с молодой любовницей, пока я здесь разрываюсь между детьми, домом и мыслями о разводе или что мне делать дальше...

– Регина, не говори так, – испуганно перебивает Лена. – Дети. Подумай о детях.

– Я только о них и думаю. Как я скажу Алисе, что ее обожаемый папочка лжец и предатель? Как объясню маленькому Марку, почему мама и папа больше не живут вместе?

– Может, это просто... – она запинаясь, – увлечение? Ошибка? Многие мужчины проходят через это в определенном возрасте.

Ее слова отдаются болью. Увлечение? Ошибка? Что из этого должно меня утешить?

– Ты советуешь мне простить? – мой голос дрожит от сдерживаемой ярости.

– Я советую тебе не принимать решений стгоряча. Дождись его возвращения. Поговорите. Может быть... может быть, есть шанс всё исправить?

После разговора чувствую себя еще хуже. Лена всегда была голосом разума, но сейчас ее рассудительность кажется предательством. Она замужем за успешным кардиохирургом, у них идеальный брак, двое идеальных сыновей, идеальный дом... Откуда ей знать, что я чувствую?

Суббота наступает неожиданно быстро. День рождения свекрови... 65 лет, юбилей. Отказаться невозможно. Особенно когда Максим звонит утром и напоминает:

– Ты же не забыла про мамин день рождения? Я попросил своего помощника доставить ей букет от нас, но ты с детьми обязательно должна быть.

– Конечно, – отвечаю механически. – Мы уже собираемся.

– Как ты, милая? Голос какой-то странный.

“Милая”. Интересно, он так же называет свою турецкую блондинку?

– Просто устала немного. Забот много.

– Я понимаю, – в его голосе звучит фальшивое сочувствие. – Скоро вернусь и заберу часть забот на себя. Скучаю безумно.

Скучает он. В объятиях другой женщины.

– И мы скучаем, – выдавливаю из себя. – До завтра.

Собираю детей. Алиса капризничает... ей хочется на день рождения к подруге, а не к “занудной бабушке”. Марк, наоборот, в восторге... бабушка всегда дарит ему новые игрушки. Я смотрю на их лица и понимаю: что бы ни случилось между мной и Максимом, я должна сделать всё, чтобы защитить их.

Дом свекрови... огромный особняк в престижном районе. Максим построил его для нее три года назад, после смерти свекра. “Хочу, чтобы мама ни в чем не нуждалась,” – сказал он тогда. Всегда был примерным сыном. По крайней мере, в этом не солгал.

Нина Георгиевна встречает нас у порога. Высокая, статная, с идеальной укладкой и макияжем, несмотря на возраст. Алиса вся в нее... те же скулы, тот же гордый подбородок, те же пронзительные серые глаза.

– Наконец-то! – целует она детей. – А где мой сын?

– Он в командировке, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал нормально. – Но будет завтра. Просил передать поздравления и извинения.

– Всё работает и работает, – качает головой свекровь. – Совсем себя не жалеет. Проходите, гости уже собрались.

В гостиной полно народу: родственники, друзья семьи, бывшие коллеги Нины Георгиевны. Алиса сразу находит своих двоюродных сестер и исчезает с ними в другой комнате. Марк бежит к столу с закусками. А я остаюсь один на один с внимательными взглядами и неизбежными вопросами.

– А где Максим?

– Как ваша семейная жизнь?

– Всё так же счастливы, как в медовый месяц?

Улыбаюсь, отвечаю что-то нейтральное, стараясь не сорваться. Каждое упоминание имени мужа, как нож в сердце. Каждый вопрос о нашем “счастье”, как соль на рану.

После тостов и поздравлений Нина Георгиевна отзывает меня в сторону, в свой кабинет. Закрывает дверь. На столе стоит фотография Максима в рамке. Школьный выпускной. Такой молодой, такой искренне улыбающийся. Когда он научился так виртуозно лгать?

– Регина, что происходит? – свекровь смотрит прямо в глаза. – Ты сама не своя. И Максим... он ведь не в командировке, правда?

Холодею. Неужели она знает? Но как?

– Почему вы так решили? – мой голос звучит выше обычного.

– Материнское сердце, – пожимает плечами она. – Он звонил мне вчера, и я чувствовала что-то не так. Он всегда говорит со мной из машины, когда едет с одной встречи на другую. А вчера был какой-то шум на заднем плане... как будто он на пляже.

Сердце колотится так сильно, что, кажется, она должна слышать эти удары.

– Может, он просто вышел на набережную... подышать воздухом... – жалкая попытка спасти ситуацию.

– Регина, – голос свекрови становится жестче. – Я знаю своего сына. Что происходит в вашей семье? Почему он уезжает всё чаще? Почему ты выглядишь как привидение?

Ее следующие слова ранят до глубины души:

– Я всегда говорила Максиму, что ему нужна была жена попроще. Не с твоими запросами. Бедный мальчик работает день и ночь, чтобы обеспечить вас с детьми. Этот огромный дом, машины, частная школа для Алисы, гувернантки, отдых за границей... Ты хоть понимаешь, какой груз ответственности на его плечах?

Что-то ломается внутри меня. Плоти́на, сдерживавшая эмоции последние дни, рушится в одночасье.

– Запросы? – голос срывается на крик. – Мои запросы?! Ваш “бедный мальчик” сейчас в пятизвездочном отеле в Турции! С любовницей, которая моложе меня лет на десять! Пока я сижу дома с детьми и выслушиваю ваши упреки!

Лицо свекрови искажается, будто я ударила ее.

– Что ты несешь? Максим никогда бы...

– Вот! – достаю телефон, открываю фотографии от Вики. – Вот ваш примерный сын! Вот как он “работает день и ночь”!

Нина Георгиевна медленно берет телефон. Лицо бледнеет, рука с телефоном дрожит. Листает фотографии молча, только губы сжимаются всё сильнее.

– Это ошибка, – наконец произносит она. – Фотошоп. Или...

– Это не ошибка. Моя подруга в том же отеле. Она видела их своими глазами. Они живут в одном номере. Уже неделю. А он звонит мне каждый вечер и рассказывает, как скучает в Сочи на переговорах.

Свекровь опускается в кресло.

– Я не верю... это какая-то ошибка... – повторяет она. – Максим не такой.

– Он именно такой. Лжец и предатель. А вы... вы слепо верите в своего “мальчика” и обвиняете во всем меня!

– Тише, – испуганно шепчет она. – Дети услышат. Гости...

– Плевать! – я уже не контролирую себя. – Пусть все знают, какой он на самом деле!

Пусть...

В этот момент я слышу, как ручка двери поворачивается..

Вижу как в этот момент врывается Алиса!

Она выхватывает телефон, увидев фото в ярости бросает его на диван! Выбегает прочь из кабинета хлопнув дверьми...

Договорить не успеваю. Нина Георгиевна вдруг хватается за грудь, лицо искажается гримасой боли.

Глава 3

– Нина Георгиевна? – испуганно спрашиваю я, делая шаг к ней. – Вам плохо?

Она не отвечает. Только смотрит на меня расширенными от ужаса глазами и тяжело, с хрипом дышит. Её пальцы впиваются в левую сторону груди, губы синеют на глазах.

– Помогите! – кричу я, бросаюсь к двери. – Кто-нибудь! Нине Георгиевне плохо!

В кабинет врывается толпа встревоженных гостей. Кто-то кричит вызвать скорую, кто-то бежит за водой, кто-то суетится вокруг побледневшей хозяйки дома. Из этой суматохи выныривает высокий седой мужчина Николай Петрович, брат Нины Георгиевны, кардиолог.

– Отойдите, – командует он, опускаясь на колени рядом с креслом. – Нина, ты меня слышишь? Это я, Коля.

Свекровь еле заметно кивает, но глаза её закатываются. Николай Петрович быстро расстегивает её жакет, шупает пульс.

– Нитроглицерин у неё есть? – спрашивает он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– В сумочке, – вспоминаю я. – В гостинной. Она всегда носит с собой.

Кто-то бежит за сумкой. Я стою, прислонившись к стене, не в силах двинуться. Чувство вины накатывает тяжелой волной, едва не сбивая с ног. Это я виновата. Я со своими обвинениями, со своим эгоистичным желанием выплеснуть боль. Нужно было молчать, терпеть, ждать... А теперь...

Вскоре вой сирены прорезает воздух. Скорая. Марк вбегает в кабинет, ищет меня глазами.

– Мама, там врачи приехали! – кричит он и замирает, видя бледную бабушку в кресле.

– Что с бабулей?

– Ей немного нехорошо, милый, – стараюсь говорить спокойно. – Иди к Алисе, хорошо?

– Бабуля умрет? – его глаза наполняются слезами.

– Нет, что ты, – обнимаю его. – Врачи помогут ей. Иди, найди сестру.

Медики работают быстро и слаженно. Носилки, капельница, кислородная маска. Нину Георгиевну выносят на улицу, грузят в машину. Николай Петрович едет с ней. Перед отъездом бросает на меня тяжелый взгляд:

– Что произошло? Вы поссорились?

– Я... – слова застревают в горле. – Мы просто разговаривали.

– О чем? – он смотрит пронзительно, словно видит меня насквозь.

– О Максиме, – выдавливаю из себя.

– Ясно, – он поджимает губы. – Если что-то серьезное, лучше дождаться его возвращения.

Нине не нужны сейчас лишние переживания.

Киваю, не в силах объяснить, что уже слишком поздно. Что я уже всё разрушила своими руками.

Гости расходятся в подавленном молчании. Праздник испорчен. Остались только двоюродная сестра Максима: Света с мужем, чтобы помочь мне с детьми и уборкой.

– Не переживай, – Света обнимает меня за плечи. – С тётёй Ниной всё будет хорошо. У неё уже были такие приступы.

– Правда? – поднимаю на неё глаза. – Я не знала.

– Да, после смерти дяди Гриши. Сердце шалит иногда. Но она крепкая, выкарабкается.

Хочу ей верить. Очень хочу.

Алиса нашлась в саду. Сидела на качелях, хмурая и молчаливая. Телефон не отвечал, потому что она выключила его. На мои расспросы отвечает односложно, но хотя бы не убегает больше.

Собираемся домой поздно вечером. Марк засыпает на заднем сидении машины, убаюканный мерным шумом мотора. Алиса смотрит в окно, демонстративно не замечая меня. Мы так и не поговорили о том, что она видела на фотографиях, что слышала из нашего разговора со свекровью.

Но я чувствую: она на моей стороне. Как ни странно, именно её молчаливая поддержка придаёт мне сил.

Дома нас ждёт сюрприз. На подъездной дорожке стоит машина Максима. Сердце пропускает удар. Он здесь. Вернулся. На день раньше. Или это... Вспоминаю текст сообщения: "Буду поздно вечером". Он летел из Турции не завтра, а сегодня. А я, поглощенная поисками Алисы, совсем забыла об этом.

Не хочу его видеть. Не готова. Не сейчас, когда всё так запутано и страшно. Но выбора нет. Останавливаю машину, глушу мотор.

– Он здесь, – тихо говорю Алисе.

Она вздрагивает, оборачивается. Взгляд становится жестким, решительным.

– Я не буду с ним разговаривать, – отрезает она. – Вообще.

– Алиса...

– Он предатель. Я ненавижу его.

– Он всё равно твой отец.

– Плевать!

Она выскакивает из машины, хлопая дверцей. Я вздыхаю, выхожу следом. Беру спящего Марка на руки. Он бормочет что-то во сне, обнимает меня за шею. Такой любимый, такой родной. Ему всего пять. Он не заслужил того, что происходит.

Максим встречает нас у порога. В домашних брюках и футболке, словно и не было никакой Турции, никакой блондинки, никакой измены. Словно мы обычная семья в обычный вечер.

Алиса проходит мимо него, не удостоив даже взглядом. Он протягивает руку, пытаюсь коснуться её плеча.

– Солнышко, я так скучал...

– Не трогай меня! – шипит она, пятясь назад – Я всё знаю. Всё, понимаешь?

С этими словами она взбегает по лестнице, скрывается в своей комнате. Слышу, как щёлкает замок. Максим растерянно смотрит ей вслед, потом переводит взгляд на меня.

– Что происходит, Регина? – его голос тих, напряжён. – Что значит "всё знаю"?

– Не здесь, – киваю на спящего Марка. – Сначала отнесу его в постель.

Максим хочет что-то возразить, но сдерживается. Поднимаюсь по лестнице, чувствуя его взгляд... Раздеваю Марка, укладываю, целую в лоб. Он не просыпается, только вздыхает во сне. Счастливый в своём неведении.

Спускаюсь вниз. Максим ждёт в гостиной, нервно расхаживая по ковру. Останавливается, когда видит меня.

– Регина, что за цирк? Почему Алиса так себя ведёт? И где вы вообще были так поздно?

– У твоей мамы, – отвечаю спокойно. Слишком спокойно. – На дне рождения. Ты забыл?

– Конечно, нет, – он хмурится. – Но почему так поздно? Уже почти полночь.

– Потому что твою мать увезли в больницу с сердечным приступом.

Он бледнеет, делает шаг ко мне.

– Что? Когда? Почему ты не позвонила? В какую больницу?

– В Центральную кардиологическую, с ней поехал твой дядя Коля. А не позвонила потому, что была занята поисками нашей дочери, которая убежала из дома.

– Боже, – он опускается на диван, сжимает голову руками. – Что за чертовщина? Почему Алиса убежала? Что случилось?

Смотрю на него долгим взглядом. Неужели он правда думает, что я не знаю? Что можно и дальше играть роль примерного мужа и отца?

– Она увидела фотографии, – говорю наконец. – Ты с твоей... подругой. В Турции.

Его лицо меняется. Теперь в нём нет растерянности. Только холодный расчёт, оценка ситуации. Я почти вижу, как в его голове крутятся мысли, прикидывая варианты: отрицать? Признаться? Обвинить меня?

– Какие фотографии? – выбирает он. – О чём ты вообще?

Достаю телефон, открываю галерею. Швыряю ему.

– Вот. Наслаждайся. Это прислала Вика. Она отдыхает в том же отеле. Узнаёшь место? Rixos, Кемер. Не Сочи, как ты мне лгал.

Он смотрит на экран, губы сжимаются в тонкую линию. Молчит. Потом поднимает глаза, и в них... ни тени раскаяния. Только злость.

– И ты показала это моей матери? – его голос дрожит от ярости. – Ты в своём уме?

Меня будто окатывает ледяной водой. Я ожидала многого: отрицания, извинений, оправданий. Но не этого. Не обвинений.

– Я? – задыхаюсь от возмущения. – Я не в своём уме? Ты изменяешь мне, лжёшь, а виновата я?

– Моя мать в больнице из-за тебя! – он вскакивает, нависает надо мной. – Ты не могла подождать? Поговорить со мной сначала? Нет, ты притащила эти грёбанные фотографии на её день рождения и устроила скандал!

– Я не устраивала скандал! Это она начала. Обвинила меня в том, что у тебя слишком много "запросов", что ты работаешь как проклятый, чтобы обеспечить нас! А ты в это время...

Что? – он перебивает меня. – Что я в это время? Изменял тебе? Да, чёрт возьми! Да! Потому что я живой человек. Потому что я устал от этой рутины, от обязательств, от вечного чувства вины перед вами всеми!

Его слова ранят сильнее, чем пощёчина. Я отшатываюсь, словно он действительно ударил меня.

– Значит, это моя вина? – голос срывается. – За пятнадцать лет брака я надоела тебе, стала "рутиной"? А эта... эта твоя шлюха – она, конечно, особенная? Или просто молодая и глупая?

– Не смей говорить о ней так, – его глаза темнеют от гнева. – Ты её не знаешь.

– О, так ты её защищаешь? – смеюсь истерично. – Как мило. А нас – свою семью – ты хоть раз защитил? От чего угодно? От своей жадности до денег? От своего эгоизма?

– Моя жадность до денег, – он выделяет каждое слово, – оплачивает твои дизайнерские тряпки, частную школу Алисы, игрушки Марка, этот дом, твои спа-процедуры, отпуска...

– Я не просила ничего из этого! – кричу в отчаянии. – Я просила только одного – любви и верности! Того, что ты клялся мне дать пятнадцать лет назад!

Максим качает головой, на губах появляется усмешка. Такая знакомая – когда он считает, что разговаривает с маленькой глупой девочкой.

– Очнись, Регина. Любовь и верность – это сказки для романтических дурочек. Реальная жизнь – она вот: деньги, статус, власть. И я обеспечил тебе всё это. А ты... ты отправила мою мать в больницу и настроила против меня дочь.

– Не я настроила Алису против тебя, – мой голос звенит от напряжения. – Ты сам сделал это, когда решил, что семья – это "рутина", от которой можно сбежать к молоденькой любовнице.

Телефон Максима звонит, прерывая наш разговор. Он смотрит на экран, бледнеет.

– Это из больницы, – говорит он и отвечает. – Да? Да, это я. Что? Когда? Я сейчас приеду.

Он заканчивает разговор, смотрит на меня полными ненависти глазами.

– У матери инфаркт. Тяжёлый. Её повезли на операцию. Если с ней что-то случится... – он делает паузу, – я никогда тебе этого не прощу. Никогда.

С этими словами он выбегает из дома. Хлопает входная дверь, ревёт мотор, взвизгивают шины. Уехал. К матери. К которой я испытываю странную смесь вины и обиды.

Опускаюсь на диван, закрываю лицо руками. Всё рушится. Всё летит в тартарары. И я даже не знаю, хочу ли спасти хоть что-нибудь из этих руин.

Глава 4

Ночь кажется бесконечной. Я лежу, уставившись в потолок, и слушаю тиканье часов на прикроватной тумбочке. Тик-так. Тик-так. Словно метроном отсчитывает секунды моей вины.

Нина Георгиевна в реанимации. Операция назначена на утро. И всё из-за меня. Из-за моего эгоизма, из-за моей неспособности сдерживать эмоции. Я могла подождать. Могла выбрать другой момент для разговора. Могла промолчать и разобраться с Максимом наедине. Но нет – я выплеснула всё, как неразумный подросток, не думая о последствиях.

Переворачиваюсь на бок, смотрю на пустую половину кровати. Максим не вернулся из больницы. Конечно. Его мать между жизнью и смертью, а виновница всего – я. Как он на меня смотрел, когда уезжал... Столько презрения, столько ярости в глазах. "Если с ней что-то случится... я никогда тебе этого не прощу." Эти слова эхом отдаются в голове.

Телефон на тумбочке вибрирует. Сообщение от Максима: "Стабилизировали. Операция завтра в 10. Остаюсь в больнице."

Ни "как ты", ни "как дети". Сухая информация, словно для чужого человека. Впрочем, я и есть теперь чужой человек. Враг.

Пытаюсь заснуть, но мысли крутятся как заведенные. Максим и его блондинка. Нина Георгиевна на больничной койке. Алиса с ненавистью в глазах. Марк, ничего не понимающий, но чувствующий, что мир вокруг рушится. И посреди всего этого хаоса – я, разрушительница семейного счастья.

Абсурд. Ведь не я изменяла. Не я лгала месяцами. Не я предала семью ради молоденькой любовницы. Почему же именно я чувствую себя виноватой?

Беру телефон, перечитываю сообщение от Вики, пришедшее вечером: "Регина, я узнала кое-что об этой девушке. Ее зовут Эльвира Нестерова. Она не просто случайная красотка. Ее отец – Виктор Нестеров, тот самый олигарх из списка Forbes. Я думаю, тут замешаны деньги. Большие деньги."

Нестеров. Смутно знакомая фамилия. Кажется, Максим упоминал ее в контексте какого-то крупного контракта. Но я никогда не вникала в его дела. Я была слишком занята домом, детьми, его комфортом. Создавала тыл, как он любил говорить. Надежный тыл для его карьерных побед.

А он, получается, спал с дочерью потенциального инвестора? Или клиента? Это что – часть деловой стратегии? От этой мысли становится еще хуже. Интересно, это первый раз, когда он "закрывает сделку" таким образом, или обычная практика?

Проваливаюсь в тревожный сон ближе к утру. Снится Максим в той самой гавайской рубашке, танцующий с блондинкой на фоне бирюзового моря. Она смеется, запрокидывая голову. А потом оборачивается – и у нее лицо Нины Георгиевны, искаженное болью и обвинением.

Просыпаюсь в холодном поту от звонка будильника. 7:00. Пора вставать, обычный день. Только ничего обычного в нем уже нет и не будет.

– Мам, а почему папа не ночевал дома? – Алиса сверлит меня взглядом через стол. – Он теперь будет жить с той женщиной?

Марк поднимает голову от своей каши, переводит недоуменный взгляд с сестры на меня.

– С какой женщиной? – спрашивает он. – Папа будет жить в другом доме?

– Нет, – отвечаю твердо, бросая предупреждающий взгляд на Алису. – Папа в больнице, с бабушкой. Ей делают операцию сегодня. Помните, мы говорили об этом вчера?

Алиса фыркает, отодвигая нетронутый завтрак.

– Так ты его простишь? После всего, что он сделал?

– Алиса, – мой голос звучит устало, – это сложно. Взрослые отношения всегда сложнее, чем кажется со стороны. Сейчас главное – бабушкино здоровье. Все остальное мы будем решать потом.

– Если ты его простишь, – в ее глазах появляются слезы, – я уйду из дома. Клянусь. Я не смогу жить с предателем.

– А я не хочу, чтобы папа уходил, – вмешивается Марк, его нижняя губа дрожит. – Я хочу, чтобы все было как раньше!

Обнимаю сына, прижимаю к себе. Он такой маленький, такой беззащитный перед всем этим взрослым кошмаром.

– Все будет хорошо, солнышко. Обещаю. А сейчас доедай кашу, нам пора.

Алиса молча встает из-за стола, хватая рюкзак и выходит из кухни. Через минуту слышится хлопок входной двери. Ушла, даже не попрощавшись. В ее возрасте все воспринимается остро, категорично. Черное или белое. Никаких полутонов. Никаких оправданий.

Завожу Марка на занятия, целую на прощание. Его глаза полны вопросов, на которые у меня нет ответов.

– Бабушка выздоровеет? – спрашивает он, цепляясь за мою руку.

– Конечно, милый. Врачи сделают все, что нужно.

– А ты заберешь меня сегодня? Не папа?

– Я, солнышко. Папа будет в больнице с бабушкой.

Он кивает, отпускает мою руку и бежит к друзьям, тут же забывая о тревогах. Счастливое свойство детской психики – жить моментом, не застревать в прошлом, не бояться будущего.

Сажусь в машину, какое-то время просто сижу, сжимая руль. Впереди – больница. Встреча с Максимом. С его ледяным презрением. С его обвинениями. Готова ли я к этому? Выбора нет. Я должна быть там. Должна узнать, как прошла операция. Должна, наконец, поговорить с мужем – спокойно, как взрослые люди.

Завожу мотор, выезжаю со двора. На соседнем сидении вибрирует телефон. Новое сообщение от Вики: "Как ты? Не могу дозвониться. Я узнала еще кое-что. Это важно. Перезвони, как сможешь."

Не сейчас. Сначала больница. Сначала Нина Георгиевна.

Глава 5

В больничном коридоре Максим сидит на пластиковом стуле, ссутулившись, уставившись в одну точку. Рядом – его дядя Коля, что-то тихо говорящий ему. Другие родственники расположились чуть поодаль, переговариваются шепотом.

Мое появление замечают не сразу. Первой поднимает глаза двоюродная сестра Максима, Света. Кивает мне, но без обычной теплоты. Постепенно замолкают и остальные. Все взгляды обращаются ко мне.

Максим поднимает голову. Выглядит ужасно – бледный, небритый, с покрасневшими глазами. Видно, что не спал всю ночь. Встречается со мной взглядом, и в его глазах столько льда, что меня пробивает дрожь.

– Зачем ты пришла? – голос хриплый, будто не говорил несколько часов.

– Узнать, как Нина Георгиевна, – отвечаю тихо. – Как прошла операция?

– Еще не прошла, – вмешивается дядя Коля. – Ее только увезли час назад. Будут оперировать до вечера, скорее всего.

– А что врачи говорят? Каковы шансы?

Максим отворачивается, словно мой голос причиняет ему физическую боль. Отвечает снова дядя:

– Кардиохирург хороший, опытный. Но возраст... и состояние сердца... Сказали, готовиться нужно ко всему.

Я опускаюсь на свободный стул в другом конце коридора. Никто не садится рядом. Я как прокаженная. Виновница семейной трагедии.

Часы в коридоре показывают 11:30. Операция идет уже полтора часа. Сколько еще? Три? Пять? Никто не знает.

Достаю телефон, пишу Вике: "Я в больнице. Операция идет. Что ты узнала?"

Ответ приходит через несколько минут: "Эльвира Нестерова – ключевая фигура в холдинге отца. Курирует медиа-направление. Максим давно хотел получить контракт с ними, но безуспешно. Говорят, этот контракт на 200 миллионов. Понимаешь, к чему я? Это не просто интрижка. Это бизнес. Большой бизнес."

Перечитываю сообщение несколько раз. Бизнес? Он переспал с ней ради контракта? Это что – какая-то извращенная деловая стратегия? Или он влюбился, а контракт – приятный бонус?

От этих мыслей начинает болеть голова. Я так мало знаю о делах Максима. Он никогда особо не посвящал меня в бизнес, а я не настаивала. Классическое разделение: он зарабатывает, я создаю уют. Какой же наивной я была.

Из задумчивости меня выводит движение. Максим встает, отходит в дальний угол коридора, прижимает телефон к уху. Говорит тихо, но в полупустом коридоре слышно каждое слово.

– Да, Эльвира. Нет, еще оперируют... Я не знаю, сколько это продлится... Нет, не смогу приехать сегодня... Да, я помню про контракт. Да, сроки горят... Послушай, моя мать при смерти, ты можешь хотя бы сейчас...

Он замолкает, слушает что-то. Его лицо искажается.

– Хорошо. Я понял. Да, пришлю документы сегодня... Конечно, я держу слово. Всегда.

Отключается, некоторое время смотрит на телефон, будто не верит тому, что только что услышал. Потом замечает, что я наблюдаю за ним. Его взгляд темнеет.

– Что? – огрызается он. – Подслушиваешь теперь?

– Не специально, – отвечаю спокойно. – Ты сам говорил достаточно громко.

– Это деловой разговор. Тебя он не касается.

– Деловой? С Эльвирой? – не могу сдержать сарказм. – Да, я вижу, какие у вас "деловые" отношения. На пляже, в обнимку, с поцелуями...

Он делает шаг ко мне, и на мгновение кажется, что ударит. Но сдерживается, только шипит сквозь зубы:

– Ты ничего не понимаешь. Абсолютно ничего. И из-за твоего непонимания, из-за твоих истерик моя мать сейчас в операционной. Ты довольна? Это то, чего ты добивалась?

– Не смей! – мой голос дрожит от возмущения. – Не смей обвинять меня в своих грехах! Если бы ты не изменял, если бы не лгал, ничего бы этого не было!

– Если бы ты держала рот на замке хотя бы до конца праздника, моя мать была бы дома, а не тут! – он почти кричит, не заботясь о том, что на нас смотрят. – Но нет, тебе нужно было устроить сцену! В ее день рождения! На глазах у всех! Как ты могла быть такой эгоистичной?

– Эгоистичной? – у меня перехватывает дыхание от несправедливости обвинений. – Я эгоистична? А как назвать то, что сделал ты? Изменил жене, соврал семье, поехал развлекаться с молодой девицей, пока твоя мать готовилась к юбилею!

– Заткнись! – рявкает он. – Просто заткнись! Ты ничего не знаешь об ответственности. О том, как строится бизнес. О том, какие жертвы приходится приносить, чтобы обеспечивать тебя и детей!

– Жертвы? – я смеюсь, хотя внутри все обрывается. – Ты называешь секс с молодой красоткой "жертвой"? Seriously?

Он смотрит на меня с такой ненавистью, что я отступаю на шаг.

– Ты думаешь, мне это нравится? – его голос вдруг становится тише, но от этого еще страшнее. – Думаешь, я получаю удовольствие, обманывая тебя? Притворяясь с ней? Это бизнес, Регина. Просто бизнес. Нестеровы не заключают контракты просто так. Им нужны... гарантии лояльности. Эльвира – их способ контролировать партнеров. И я не первый, кто через это проходит.

Я смотрю на него, не веря своим ушам. Он что, пытается представить измену как... деловую необходимость? Как жертву ради семьи?

– Ты сам себя слышишь? – мой голос дрожит. – Ты переспал с ней ради денег? И думаешь, это оправдание?

– Я делаю то, что должен! – в его глазах отчаяние пополам с яростью. – Ты хоть представляешь, сколько стоит ваша жизнь? Этот дом, машины, школа Алисы, твои спа-салоны, отпуска? Ты думаешь, это все падает с неба? Кто-то должен платить по счетам! И этот кто-то – я!

– Я никогда не просила всего этого, – качаю головой. – Никогда не требовала роскоши. Это ты всегда гнался за статусом, за деньгами, за "уровнем". Я была бы счастлива в обычной квартире, без дизайнерских шмоток и дорогих курортов. Мне нужна была только твоя любовь. И верность.

Глава 6

Он смотрит на меня с каким-то усталым презрением.

– Конечно. Сейчас ты так говоришь. А что бы ты сказала, если бы я вдруг разорился? Если бы пришлось продать дом, забрать Алису из частной школы, отказаться от помощницы по хозяйству? Если бы вместо отдыха на Мальдивах пришлось бы ездить в Анапу? Ты бы так же рассуждала о "ненужности роскоши"?

– Да! – кричу я, не заботясь, что на нас оборачиваются. – Да, черт возьми! Потому что все это – дом, машины, курорты – ничего не стоит без доверия! Без уважения! Без любви!

– Любовь? – он усмехается. – Регина, нам не по восемнадцать лет. Любовь – это красивая сказка для романтических девочек. В реальном мире есть только деньги, статус и власть. Все остальное – иллюзии.

Его слова бьют под дых сильнее, чем любые обвинения. Вот как он думает. Вот во что верит. Человек, с которым я прожила пятнадцать лет. Отец моих детей. Моя первая и единственная любовь.

– Если ты действительно так считаешь, – мой голос падает до шепота, – тогда нам больше не о чем говорить. Никогда.

Разговор прерывает появление врача – высокого мужчины в хирургической одежде, с маской, опущенной на шею. Максим бросается к нему:

– Как она? Операция закончилась?

Врач смотрит устало, но в глазах читается осторожный оптимизм.

– Операция прошла успешно. Мы установили два шунта, восстановили кровоток. Сейчас пациентка в реанимации, состояние стабильное, но критическое. Ближайшие 48 часов будут решающими.

– Она в сознании? – спрашивает дядя Коля. – Можно к ней?

– Нет, пациентка под наркозом. И посещения пока исключены. Только через стекло, и не более чем на пять минут.

Максим кивает, пожимает руку врачу:

– Спасибо. Спасибо вам огромное. Мы можем увидеть ее сейчас?

– Да, конечно. Пройдемте, я покажу.

Все родственники поднимаются, следуют за врачом. Я остаюсь сидеть. Не уверена, что имею право идти с ними. Не после того, что наговорил Максим.

Но дядя Коля оборачивается, смотрит на меня:

– Регина, ты идешь?

Киваю, встаю. Иду, чувствуя на себе неодобрительные взгляды. Только сейчас замечаю, что дрожу. От усталости? От стресса? От осознания, что мой брак фактически закончен?

Реанимация на четвертом этаже. Лифт поднимается мучительно медленно. Максим стоит в углу, подчеркнуто не глядя в мою сторону. Его телефон вибрирует, он бросает взгляд на экран, хмурится, сбрасывает вызов. Эльвира? Снова требует документы для контракта?

Выходим из лифта, идем по коридору. Врач останавливается у стеклянной перегородки, за которой виднеются ряды коек с аппаратурой. Показывает на дальнюю койку:

– Вот ваша мать. Как видите, состояние стабильное, но...

Его прерывает громкий, пронзительный писк аппаратуры. Нина Георгиевна начинает биться в конвульсиях, ее тело выгибается дугой. Медсестры бросаются к ней, кто-то кричит:

– Код синий! Реанимационная бригада в палату!

Врач бледнеет:

– Прошу вас, отойдите! – и бросается за стеклянную дверь.

Максим застывает, прижав руки к стеклу. Его лицо искажается от ужаса и беспомощности.

– Мама! – кричит он. – Мама!

В палату вбегают еще врачи, катят какую-то аппаратуру. Один из них кричит:

– Дефибриллятор! Быстрее!

Нина Георгиевна лежит неподвижно. Ее грудь больше не вздымается. Монитор рядом с койкой показывает ровную линию. Максим стучит кулаками по стеклу, кричит что-то, но его никто не слышит.

Один из врачей расстегивает больничную рубашку Нины Георгиевны, другой наносит на ее грудь специальный гель. Третий держит в руках электроды дефибриллятора.

– Разряд! – командует он, и тело Нины Георгиевны подпрыгивает на койке.

Линия на мониторе остается ровной.

– Еще разряд! – снова команда, снова подпрыгивает безжизненное тело.

Монитор не реагирует.

– Триста джоулей! – кричит врач, и электроды снова прижимаются к обнаженной груди.

Я смотрю как в тумане. Это не может быть реальностью. Это какой-то кошмарный сон, от которого я сейчас проснусь. Должна проснуться.

Но реальность безжалостна. Линия на мониторе остается плоской, несмотря на все усилия врачей. Один из них начинает непрямой массаж сердца, вдавливая ладони в грудную клетку Нины Георгиевны с такой силой, что, кажется, ломает ей ребра.

Максим медленно опускается на колени, все еще прижав руки к стеклу. Его плечи начинают вздрагивать. Он плачет, беззвучно, страшно. Дядя Коля опускается рядом с ним, обнимает за плечи.

Врачи не сдаются. Вводят какие-то лекарства через капельницу, продолжают массаж сердца, снова и снова используют дефибриллятор. Но монитор неумолим – прямая линия, без единого всплеска.

Чувствую, как по щекам текут слезы. Я не могу дышать. Меня душит вина, такая тяжелая, такая всепоглощающая, что хочется кричать. Это я виновата. Я спровоцировала инфаркт. Я довела ее до операционного стола. Я...

Максим вдруг оборачивается, смотрит на меня. В его глазах нет больше ярости. Только пустота. Страшная, безжизненная пустота.

– Ты довольна? – шепчет он. – Теперь ты довольна?

Я не успеваю ответить. За стеклом вдруг раздается другой звук – прерывистый писк монитора. Врачи замирают, смотрят на экран. Линия дрогнула. Еще раз. И еще.

– Есть пульс! – кричит кто-то. – Есть пульс!

Время останавливается. Я смотрю на монитор, где слабые, неровные, но живые пики сменяют страшную прямую линию. Нина Георгиевна жива. Пока жива.

Но взгляд Максима не меняется. Для него я уже виновна в смерти матери. И никакое чудесное возвращение не изменит этого приговора.

Телефон в моей руке вибрирует. Сообщение от Вики: "Срочно перезвони. Я нашла кое-что о контракте Максима с Нестеровыми. Это не то, что ты думаешь. Совсем не то."

Я смотрю на сообщение, потом на Максима, все еще стоящего на коленях у стеклянной перегородки. На врачей, суесящихся вокруг Нины Георгиевны. На монитор, показывающий неровный, слабый, но все-таки пульс.

Что еще может быть хуже? Что еще я не знаю о своем муже и его "деловых отношениях"?

Один из врачей выходит к нам, снимает маску:

– Мы вернули ее. Но состояние крайне тяжелое. Произошла остановка сердца. Возможны повреждения мозга из-за кислородного голодания. Сейчас мы переводим пациентку в искусственную кому, чтобы снизить нагрузку на организм.

– Она выживет? – голос Максима звучит надломленно.

Врач вздыхает:

– Мы делаем все возможное. Но должен предупредить – впереди еще как минимум одна операция. И шансы... шансы не самые высокие.

Максим кивает, поднимается с колен. Его взгляд снова находит меня:

– Уходи, – говорит он тихо, но твердо. – Я не хочу тебя здесь видеть. Никогда больше.

– Максим, я...

– Уходи! – теперь он кричит, не сдерживаясь. – Убирайся отсюда! Ты почти убила мою мать! Ты разрушила нашу семью! Ты...

Его прерывает медсестра, выбежавшая из-за стеклянной двери:

– Господин Заболоцкий! Быстрее! Ваша мать... она очнулась и просит вас! Обоих вас!

Максим замирает, не понимая:

– Обоих? Кого обоих?

– Вас и вашу жену, – медсестра показывает на меня. – Она сказала: "Максим и Регина. Немедленно. Это важно."

Я встречаюсь взглядом с Максимом. В его глазах шок и недоумение. В моих, наверное, то же самое.

Что может быть настолько важным, что умирающая женщина, только что вернувшаяся с того света, хочет сказать это нам обоим? Прямо сейчас?

Дорогие читатели! Книга написана! И после модерации на сайте текст книги будет доступен полностью

Глава 7

Стою у стеклянной двери реанимации, и сердце колотится так, что, кажется, сейчас выпрыгнет из груди. Максим рядом, но между нами пропасть – невидимая, но такая реальная, что почти физически ощущаю её холод. Медсестра открывает дверь, пропуская нас внутрь.

Нина Георгиевна лежит на больничной койке,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.